

влять съ помощью студента Томашевского, отличного малаго, а я буду держать счеты и контору. Каково? То есть расплачиваться съ людьми, бабами, поденными и проч. И я рада, что у меня какъ будто дѣло. У насъ хозяйство до безконечности! И какъ много сопряжено съ этимъ непріятнаго и труднаго, конечно, для Левы, а для меня—на столько, на сколько это касается его».

И дѣйствительно, пріѣхавши къ нимъ, я увидѣла, какъ сестра занималась конторскими дѣлами. По вечерамъ приходила съ поденщины пестрая веселая толпа дѣвокъ и бабъ, и она раздавала имъ билетики. Я помогала ей въ этомъ. Всѣ онѣ знали ее и по школѣ, и потому, что иногда приходили къ ней больные, которыхъ она лѣчила, какъ умѣла. Отношения къ ней были удивительно просты и хороши. Эти занятія ея длились, однако, не долго, такъ какъ она была въ ожиданіи ребенка.

Левъ Николаевичъ по цѣлымъ часамъ иногда сидѣлъ на пчельникѣ. Надѣвъ сѣтку и рукавицы, онъ на практикѣ изучалъ жизнь пчелъ. Пчельникѣ находился приблизительно въ верстѣ отъ дома, въ молодомъ лѣсу, возлѣ Засѣки. Тамъ, въ избушкѣ, помѣщался старый дѣдъ, какихъ описываютъ въ сказкахъ, съ длинной бѣлой бородой. Онъ ходилъ среди ульевъ съ обнаженной головой, и пчелы его не трогали, что меня крайне удивляло.

За этимъ пчельникомъ было мѣсто, куда